

ВЛАДИМИР ЮДИН

“НЕОБЪЯСНИМЫМ ЧУДОМ МЕНЯ ПОТЯНУЛО ПИСАТЬ...”

3 октября 1873 года в небольшом старинном городке Бежецке Тверской губернии, в небогатой купеческой семье Якова Дмитриевича и Екатерины Ивановны Шишковых родился сын Вячеслав – будущий выдающийся русский писатель. Здесь и в селе Шишково-Дуброво проходили его детские и юношеские годы. И потом, где бы ни бывал писатель, он непременно приезжал на свою малую родину, заходил в старый бревенчатый дом на тихой бежецкой улице, носящей теперь его имя.

Скромного, ничем, в общем-то, особенным себя не проявлявшего девятилетнего мальчика определили в Бежецкое городское училище, где он закончил учёбу с отличными оценками. “И вдруг, – признавался Вячеслав Яковлевич в автобиографии, – каким-то необъяснимым чудом меня потянуло писать. Первая работа – “Волчье логово” – повесть о разбойничьей жизни, вторая – описание крестьянских “посиделок” (бесед) с задорными плясками и песнями. С тех пор вплоть до самого зрелого возраста я литературой не занимался, и мне не приходило в голову, что я буду писателем”.

Окончив училище кондукторов путей сообщения в Вышнем Волочке и получив редкую в ту пору специальность техника по водным и шоссейным путям, В. Я. Шишков в 1894 году уезжает в Томск.

Двадцать лет своей жизни отдал Вячеслав Яковлевич подвижническому труду по исследованию сибирских рек и сухопутных дорог, совершая ежегодные экспедиции по Иртышу, Оби, Бии, Катуню, Енисею, Чулыму, Лене, Ангаре, Нижней Тунгуске, где едва не погиб, прошёл много вёрст по суровой сибирской тайге, Горному Алтаю. “Здесь родилось и стало крепнуть моё литературное дарование”, – скромно скажет он позднее.

...Поистине неистребима тяга русского человека к путешествиям, познанию сопредельных и дальних народов и государств, к поиску острых драматических впечатлений. Но Шишков не искал их – они сами находили его, послужив материалом для глубокого и живописного художественного осмысления российской жизни.

Началом своей литературной деятельности В. Я. Шишков считал 1912 год, когда в журнале “Заветы” появился остросюжетный рассказ из тунгусской жизни “Помолились”. С этого времени рассказы, повести, а затем и романы молодого одарённого автора стали регулярно печататься во многих журналах, выходить отдельными книгами.

Доброе, дружеское напутствие М. Горького и опубликование повести “Тайга” в редактируемом им журнале “Летопись” в 1916 году имели решающее

значение в дальнейшей судьбе В. Я. Шишкова. Под благотворным влиянием Горького и других русских писателей-классиков он обратился к профессиональному литературному творчеству и формировался как художник-реалист, традиционалист, народный писатель.

В 1926–1929 годах вышло в свет его первое собрание сочинений в издательстве “Земля и фабрика” в 12-ти томах, в 1931 году – повесть “Странники”, о жизни беспризорных ребят; в 1933 году он закончил многолетнюю работу над романом “Угрюм-река”, в котором нарисована широкая эпическая картина жизни дореволюционной Сибири.

С 1930 года и до конца своей жизни В. Я. Шишков работал над историческим романом-эпопеей “Емельян Пугачёв”, первые две книги которого вышли в 1944 году, а весь роман был опубликован только после смерти писателя.

Великая Отечественная война не дала закончить эту грандиозную историческую эпопею, и Вячеслав Яковлевич устремился к актуальной военно-патриотической тематике. Как и многие его собратья по перу, Шишков активно работал в жанре публицистики, малых жанров, выступал на радио, в госпиталях. Жил он в это время в блокадном Ленинграде, об эвакуации не хотел и слышать. И только в апреле 1942 года по настоянию друзей он согласился, наконец, переехать в столицу. В этот период выходят в свет его рассказы “Прокормим”, “Гость из Сибири”, “Гордая фамилия” и другие.

Жизнь Вячеслава Яковлевича Шишкова оборвалась в марте 1945 года. До великой Победы он не дожил всего два месяца...

Писатель был награждён орденами Ленина и “Знак почёта”, медалью “За оборону Ленинграда”. За роман “Емельян Пугачёв” ему посмертно, в 1946 году присудили Сталинскую премию I степени.

Такова в общих чертах внешняя сторона жизни ярчайшего художника, певца России, русского народа, бесконечно и страстно влюблённого в своё Отечество.

Какими были его мировоззрение, нравственный и духовный облик, психология, какую эстетику он исповедовал и проповедовал? В этих и других вопросах надо ещё немало разбираться литературоведам и критикам, освобождая имя Шишкова и всю нашу литературу от десятилетиями копившихся вульгарно-социологических наслоений.

Вячеслав Яковлевич, по свидетельству современников, не принадлежал к числу ластивых угодников и любимцев партии и правительства, держался всегда гордо и независимо, хотя слыл человеком чрезвычайно мягким, добрым, отзывчивым, не любил засиживаться в “почётных президиумах” и быть “на виду”, не был обласкан и чиновниками от литературы, что, естественно, создавало немало трудностей с опубликованием его творений. Напротив, горячо и страстно отстаивая русские национальные приоритеты в литературе, писатель нередко подвергался атакам злобных русоненавистников, хулителей традиционных ценностей отечественной культуры, занявших ключевые посты в подведомственном им агитпропе и стремившихся всецело подчинить искусство слова политическому заказу.

...Жизнь не стоит на месте. Время меняет и творческие направления, и методы, и художественные приёмы изображения в литературе и искусстве. Неизменным остаётся одно – одухотворяющая гуманистическая сущность и высокая морально-нравственная чистота русской литературы.

Сегодня, в связи с известными переменами в жизни общества и наших представлений о мире и человеке, ценностные эстетические ориентиры, культивируемые Шишковым и плеядой советских писателей, не утратили своей значимости, больше того – обрели чрезвычайную актуальность на фоне пошлости и безвкусицы, насаждаемых “масскультом”, всевозможных формалистических изысков и откровенных антигуманных трюкачеств.

Весьма полезно и, думаю, поучительно современнику, особенно молодому, неискущённому, познать, к примеру, по рассказам и повестям Шишкова, каково было мурло зарождающегося, “свежего” капитализма в России на переломе XIX–XX веков (“Тайга”, “Пейпус-озеро”, “Угрюм-река” и др.).

В. Я. Шишков, по собственному признанию, вознамерился идти “вглубь”, “высь, во все стороны”, поставил перед собой цель показать неизбегность крушения Человека в человеке, обуреваемого жадной неуёмного накопительства, живущем в мире, где правит бал золотой телец, нарисовать, как он писал Горькому, “жизнь в широком понимании этого слова”, не столько

высветить “капитализма портрет родовой” (осознавая, что первое слово в литературе об этом принадлежит не ему), сколько предостеречь будущие поколения от тяжкой духовно-нравственной катастрофы.

Писатель превосхитил грядущие, то есть сегодняшние, трагические потрясения России, вновь брошенной в бездну диких собственнических инстинктов, теряющей свой неповторимый нравственный лик и свою православную душу.

Вместе с тем творчество Шишкова не замыкается в социально-бытовой проблематике, драматизме классовых конфликтов, антагонизме противоборствующих общественных слоёв – оно шире, ёмче, глубже по мысли, философично по сути и пророчески устремлено в будущее России.

При этом важно подчеркнуть: вовсе не пресловутые “общечеловеческие” ценности влекли к себе писателя, а ценности, выработанные веками, отражающие специфику, характерные особенности народов, наций и этносов, населяющих великую Россию.

Шишков – художник истинно русский, питающий уважительные чувства ко всем народам. Вот почему остро необходимо науке глубоко осмыслить его взгляды на историю, культуру, национальные характеры.

Нынче в общественное сознание вновь, как на заре XX века, в пору всеокрушающей вандальной ломки в жизни и эстетике и пренебрежительного отношения к “изжившему себя” реализму, активно внедряется идеология космополитического нигилизма, выдаваемая за якобы “новое” слово в науке и искусстве. За точку отсчёта нередко берётся “методология” ниспровержения наших национальных святынь, выступающая под флагом некоего “обновлённого сознания”, “новаторского прочтения”, “переосмысления замшелых консервативных традиций” и прочих псевдоноваций.

Между тем никаким “обновлением” тут и не пахнет: так уже было в 1920-х годах, когда горячие невежественные головы, взбудораженные ажиотажем революционной “перестройки”, дискредитировали духовное наследие прошлого, рьяно низвергали с пьедестала гениальные имена и творения, глумливо предавали анафеме тысячелетние крестьянские и православно-христианские устои, выкинули вон бесценное наследие “классово чуждой” дворянской культуры, литературы и искусства русской эмиграции, оголтело ратуя за создание пресловутой “классово-чистой пролетарской культуры”.

“Неистовые ревнители” (выражение выдающегося исследователя русской литературы С. И. Шешукова), опьянённые дурманом кардинальных социальных и духовных преобразований “пламенные революционеры” ничтоже сумняшеся “сбросили с парохода современности” классиков, а Льва Толстого и Достоевского обвинили в “антиреволюционности”, религиозном мракобесии и мистике... Так уже было, было, было!.. И недурно бы нам, прислушавшись к объективному голосу Истории, поднабравшись векового поучительного опыта, извлечь полезные уроки, поставив жёсткий заслон всеразрушающему нигилизму и антинациональным выпадам.

Неостановимая ура-революционность “неистовых ревнителей” начала прошлого века, главным симптомом коей была крайне озлобленная русофобия, сменилась не менее рьяной, воинственной антиреволюционностью приверженцев либеральной “демократии”, захваченных столь же болезненным русоненавистническим синдромом, денно и нощно навязывающих нам так называемые “общечеловеческие ценности” в ущерб осознанию нами собственной этнической, исторической и культурной неповторимости.

“XX век по праву можно назвать веком наступления космополитизма, – пишет наш современник А. Т. Уваров. – В качестве орудия разрушения избран либерализм, который понятийно можно определить как идеологию индивидуализма, проповедующего свободу человеческих инстинктов, открывающего простор для наступления агрессивного меньшинства на консервативное большинство. Реализация такой идеологии привела, особенно в конце века, к грубому наступлению на моральные ценности человеческой цивилизации, накопленные ею в ходе своего развития. Какие же мишени выбрал либерализм? Прежде всего, исторически сложившиеся общности, национальные культуры и сферу знаний и сознания человека” (Уваров А. Т. Геостратегия для России. М., 1998. С. 36).

Какое же место в глубоком идеологическом расколе русской жизни занимал В. Я. Шишков?

Из прошлого ориентиром в политической и творческой жизни он не избрал конъюнктурно “выгодный”, всесокрушающий нигилизм революционных демократов и их фанатичных последователей 1920-х годов, а просто разделил народную судьбу, так пронзительно звучащую в произведениях русских классиков от А. С. Пушкина до М. А. Шолохова. Свою творческую задачу он видел не в политической борьбе и мелкотравчатой грызне околелитературных щелкопёров, не в показных диссидентских выступлениях против существующего строя, а в том, чтобы овладеть культурным богатством, завещанным нам предками, и достичь того высочайшего уровня творчества, которого они достигли, приведя в изумление весь мир.

Художественные творения Шишкова были строго ориентированы на постижение корневых проблем русской жизни, национальных традиций, на вековой опыт русского народа, его духовность, православную веру, культуру, этику и эстетику и уже потому вызывали ярость у пресловутых “интернационалистов”, которые видели в литературе не тончайший “инструмент” познания души, а идеологическую дубину для “воспитания” масс в нужном политическом русле.

Не удивительно после этого, что оголтелые идеологические надсмотрщики приклеили В. Я. Шишкову и целому ряду беспартийных интеллигентов ярлык “попутчиков”, якобы чуждых прогрессивным социальным преобразованиям.

Не потому ли и сегодня В. Я. Шишков “не вписывается” в поле научных интересов и пристрастий “демократической элиты”, либо в упор не замечающей ни Шишкова, ни многих других русских писателей, либо подвергающей сомнению, перечёркивающей их подлинное художественное величие?..

Существует такой проверенный способ духовной “казни” неугодных творцов: не ругать их и не хвалить, а просто тупо замалчивать. Например, в учебниках по истории русской литературы XX века (под редакцией Ф. Кузнецова и В. Агеносова) В. Я. Шишкову уделено всего несколько строк, да и то в связи с разговором о так называемых “попутчиках”. “Попутчик” он и есть “попутчик”, что с него взять?..

В учебниках по литературе для учащихся средних общеобразовательных школ имя В. Я. Шишкова вы днём с огнём не найдёте, видимо, по той же вредоносной вульгарно-социологической методе — “чужих в свой стан не пущать!..”

Школьники лишили возможности познакомиться хотя бы обзорно с замечательными рассказами В. Я. Шишкова, не говоря уже о его крупных эпических романах. А ведь молодым читателям было бы крайне интересно и полезно познать героев творений этого писателя. В ряде своих рассказов и повестей — “Таёжный волк”, “Алые сугробы”, “Колдовской цветок”, “Страшный кам”, “Пурга” — Шишков ярко воссоздал характеры сильных, волевых, самобытных людей, в которых “видится не вымышленный, не идеализированный, а подлинный сибиряк, наделённый лучшими качествами: умом, смелостью, твёрдой волей, любовью к природе, к своей родине”, — отмечал видный исследователь творчества Шишкова Николай Еселев.

Не только таинственная экзотика заповедных уголков Сибири прельщала писателя в повествованиях о Нижней Тунгуске, Чуйском тракте, Катунь, Иртыше, Енисее, Бии, Лене... Его живо волновала мятежная, неудержимо тянущаяся к добру и свету, непостижимая для инородцев “таинственная” русская душа...

К счастью, глубоко чтят память о своём писателе-земляке на его малой родине. В г. Бежецке много лет существует музей В. Я. Шишкова, в стенах которого ежегодно проводятся научно-творческие конференции, посвящённые его творчеству, с участием известных филологов, критиков, писателей, публицистов, студентов и школьников, деятелей культуры из многих регионов страны. Сотрудники музея провели огромную поисковую и научно-исследовательскую работу, позволившую раскрыть тайны многих творческих замыслов писателя, узнать немало новых фактов его биографии, что нашло отражение в широкой экспозиции музея.

“Думаю, что в недалёком будущем станут известны и другие, не менее интересные штрихи к литературному творчеству и биографии В. Я. Шишкова. Но уже и сейчас абсолютно ясно: Вячеслав Шишков — яркая фигура отечественной культуры, подлинное достояние России”, — подчеркнул С. Костыгов, заведующий Бежецким музеем.

Учащиеся школ г. Бежецка и района проводят конкурсы сочинений о творчестве знаменитого писателя, литературные утренники и концерты, на уроках

внеклассного чтения обсуждают его произведения. Именем В. Я. Шишкова названа улица, центральная библиотека города. 15 октября 1973 года имя писателя присвоено гимназии № 1 (ранее средняя школа № 1).

...20 августа 1950 года тысячи бежечан и гости города пришли в городской сад на встречу с любимым писателем: отныне, отлитый из бронзы, он остался на родной земле. Ежегодно 3 октября, в день рождения Вячеслава Яковлевича гимназисты идут к памятнику писателю, проводят торжественный митинг, читают стихи, возлагают цветы, ухаживают за могилой его родителей.

Именно такая работа позволяет педагогам и учащимся сохранять добрые традиции, чтобы не прервалась связующая нить времён, сохранилось чувство гордости за свою малую родину.

Шишков проехал, проплыл, прошёл пешком сотни и сотни километров, промерил и зарисовал на специальных картах Енисей, Иртыш, Обь, Лену, Бию, Катунь, Чулым, Ангару и Нижнюю Тунгуску. По его проекту, составленному в дореволюционные годы, в советское время перестроен Чуйский тракт от города Бийска до границ Монголии. На 118-м километре тракта установлен памятник В. Я. Шишкову работы барнаульского скульптора П. Л. Миронова.

Участвуя в экспедициях, Вячеслав Яковлевич долгое время жил и работал среди простых людей. От них он познал своеобразие разных судеб и характеров, жизнь и суровый быт сибиряков, местных народностей, полюбил их сочный и образный язык.

А какой великий поучительный смысл, весьма актуальный для нашего смутного времени, заложен в романе “Емельян Пугачёв”! Не доводите, господа хорошие, русский народ до возмущения, не испытывайте его могучего, но не беспредельного терпения. Русские долго запрягают, да быстро ездят. Не нами сказано: “Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!” Так в традициях великого Пушкина Шишков закладывает в концепцию исторического повествования глубокий пророческий смысл.

И сегодня В. Я. Шишков является нашим трепетным современником, поточески предостерегающим потомков от грозящих им бед.